

П.И.КОВАЛЕВСКИЙ

| 1

ПСИХИАТРИ-
ЧЕСКИЕ
ЭСКИЗЫ
ИЗ
ИСТОРИИ

Павел Иванович Ковалевский
Иоанн Грозный
Серия «Психиатрические эскизы из истории»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=175797
Психиатрические эскизы из истории. В двух томах. Том 1: Терра; Москва; 1995
ISBN 5-300-00095-7, 5-300-00094-9

Аннотация

Исследовательский очерк профессора медицины, автора многих научных трудов по психиатрии П.И. Ковалевского анализирует наследственность, анатомо-физиологические и психические характеристики Иоанна Грозного. Художественность, тонкая историческая наблюдательность и глубина научных обобщений делают эту работу интересной для самого широкого круга читателей.

Содержание

Часть первая	4
Глава I	4
Глава II	10
Глава III	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

П. И. Ковалевский Иоанн Грозный

Часть первая

Глава I

Каждый человек представляет известное количество вещества или материи, развивающей из себя соответственное число силы. Таким образом это будет единица вещества, порождающая известную соответственную также единицу силы. Эта единица вещества, соответственно химическому составу отдельных своих частей, порождает силу как простую, грубую, физическую, так и высшую, духовную, в виде проявлений мысли и чувства. Количество материи или вещества, получаемое каждым человеком для своего тела, и расположение отдельных его частей так похожи друг у друга, что невольно является вопрос о тождестве и подобии друг другу людей. При таком тождестве организации человека, тождестве количественном и качественном, весьма естественно порождаются мысли и о тождестве отправлений этой организации, значит, о тождестве силы физической и душевной людей.

Однако на деле оказывается, что люди довольно резко разнятся друг от друга как внешним обликом своей организации, так и обликами духовной и физической деятельности этой организации. Чем же обуславливается эта разница?

Два деятеля создают отдельного человека с его особенностями телесной организации, духовного облика и физической деятельности – наследственность и воспитание.

Нарождаясь на свет, маленькое человеческое существо является носителем организации своих родителей, следовательно, этот человек как физически, так и духовно должен быть повторением своих родителей. Но родителей два: отец и мать. Дети всегда похожи на своих родителей. Это верно. Но каждый ребенок представляет собой сочетание черт как отца, так и матери. Правда, в одних случаях этот потомок носит на себе преобладание черт отца, а другой раз – матери, тем не менее мы редко видим, чтобы дети носили в себе исключительно внешний вид и характер отца или же внешний вид и духовную организацию матери. Этим смешением в образовании в детях свойств отца и матери создаются первые начала *личных отличительных свойств* ребенка – его личной обособленности, его индивидуализации. На этом наследственном свойстве детей заимствовать от родителей черты, свойственные каждому из них, и соединять их в себе в новом сочетании в виде подобия двум своим предкам и зиждется способность рода человеческого совершенствоваться и вырождаться. Обыкновенно у наследующих от родителей детьми те черты их, которые в организме родителей были наиболее резки и наиболее устойчивы. Если родители в том или другом отношении представляли сходство, то эти черты в детях сочетались, усиливались и проявлялись резче и отчетливее, чем у каждого из родителей, при существовании противоположных черт в том или другом отношении, дети, приблизительно, унаследуют среднепропорциональную величину организации той или другой особенности.

Может случиться, что родители представляют сходство в чертах организации, способствующих совершенствованию ее: крепким телом, большим умом, необыкновенной энергией и т. д. Дети этих родителей являются на свет при весьма благоприятных условиях существования их организации, они также могут рассчитывать быть крепкими, умными, энергичными. Во всяком случае у этих детей гораздо больше данных быть таковыми, чем если бы с вышеуказанными свойствами являлся один только родитель. Иными свойствами

обладают дети, если их родители слабы, болезненны, апатичны, сварливы и т. д. Такие дети уже от рождения намечаются в дань склонности к болезням и последующему вырождению.

Таким образом, наследственность предопределяет будущее детей в зависимости от организации и качеств их родителей. Прискорбно было бы смотреть на такую картину человеческого общества, если бы в его существовании наследственность играла роль единственную и исключительную. Тогда почти с математической точностью мы предрекали бы, что Ивановы должны вымереть, а Петровы забрать верх в обществе, Сидоровы колебаться между жизнью и смертью. В этом случае со всею своею наготою должен был бы выступить вопрос *естественного подбора*, причем родители всеми силами должны были бы заботиться только о том, чтобы своим дочерям выбрать крепких и сильных мужей, а все слабые должны были бы быть обреченными на погибель, как в Спарте. Такое положение дела слишком походит на конюшню и конский завод.

К счастью, в деле физической и духовной организации человека играет роль равную наследственности – второй деятель – воспитание, разумное воспитание в самом широком смысле – питания организма и его образования. Воспитание, путем упражнения, благоразумного питания организма и надлежащей обстановки в жизни данного молодого организма, может более или менее легко парализовать неблагоприятные особенности унаследованной организации данного человека, – оно же, при обратных условиях, может и погубить его.

Таким образом, наследственность и воспитание являются весьма важными деятелями в жизни человека, не только в смысле образования его индивидуализации, но и в смысле его существования вообще.

Что мы сказали вообще о существовании человеческого рода, то вполне применимо и в частности к его душевному здоровью.

Душевное здоровье или нездоровье людей обуславливается двумя главными моментами: наследственностью и условиями жизни, при которых человек растет, развивается и совершенствуется. Может случиться, что человек родится от совершенно здоровых родителей и в наследство получит крепкую и мощную нервную систему, – тогда представляется много данных к тому, что этот человек, при благоприятных условиях роста и развития, выйдет крепким, мощным и здоровым. Но может случиться и так, что родители больны нервно или душевно, тогда и дети их обязательно унаследуют от них нервную систему не крепкую, склонную к заболеванию и не способную идти, при обычных жизненных условиях, в уровень с человеком, унаследовавшим здоровую и мощную нервную систему – орган душевной деятельности. Таким образом, если бы в созидании душевного здоровья или нездоровья играла роль только одна наследственность, то уже с первого раза мы разделили бы род человеческий на две половины: на здоровых и обреченных на заболевание, на мощных и немощных, на годных к жизни и негодных, на чистых и нечистых. Но одна наследственная передача жизнеспособности нервной системы не имеет решающего значения для душевной жизни людей. Существует еще второй деятель, проявляющий весьма серьезное влияние в развитии унаследованных свойств и качеств и имеющий не меньшее значение, чем и наследственность.

Это именно воспитание в широком смысле слова: образование и т. д. Этот деятель не только дополняет качества организации, полученные по наследству, но нередко и исправляет унаследованное, – равно нередко и портит то доброе, что получено от родителей. При этом может быть четыре главных случайности: 1) дети рождаются от здоровых родителей и воспитываются при благоприятных условиях существования – это баловни природы, 2) дети рождаются от здоровых родителей, но воспитываются при весьма неблагоприятных условиях существования, – в этом случае добрые начала, полученные от родителей в наследство, портятся жизненной обстановкой и таким образом дают душевной жизни человека не надлежащее направление; 3) дети рождаются от нервно- и душевнобольных родителей, но воспи-

тываются в правильных и здоровых жизненных условиях; здесь также происходит борьба двух сил, в которой недобрые задатки, полученные по наследству от родителей, могут быть исправлены и сглажены правильным и разумным воспитанием, — наконец, 4) дети, родившиеся от больных родителей, проходят плохой жизненный путь, при неблагоприятных условиях воспитания, — эти несчастные нередко имеют довольно плачевное будущее.

Что же наследственно передается от родителей к детям? Прежде всего является та мысль, что от родителей к детям передаются самые болезни: сумасшедшие родят сумасшедших, эпилептики — эпилептиков, истеричные — истеричных и т. д. На деле оказывается вовсе не так: почти никогда сумасшедшие не родят сумасшедших, эпилептики — эпилептиков и т. д. Наследственно от родителей к детям передается не готовая уже болезнь, а такая нервная система, которая склонна бывает, при неблагоприятных жизненных условиях, подвергнуться заболеванию. Мы говорим, что дети больных родителей унаследуют *неустойчивую* и склонную к заболеванию нервную систему, которая при одних жизненных условиях может быть здоровою, жизнедеятельною и правильною, при других же условиях она может дать болезнь, — какая же при этом явится болезнь — душевная, истерия, эпилепсия, пляска св. Витта и т. д., — покажет будущее. Словом, наследственно получается неустойчивая почва, на которой может возрасти как здоровый, так и нездоровый плод, в зависимости от удобрения и мер предупреждения и пресечения. Разумеется, при этом играет весьма важную роль и степень болезненной наследственности. Чем сильнее было выражено нездоровье в родителях, тем сильнее и резче выражена будет нервная неустойчивость и склонность к заболеванию в детях, — и чем слабее она была выражена в родителях, тем меньше будет нервная неустойчивость в детях и тем больше существует надежды на возможность ее исправления. Так, душевная болезнь родителей, без сомнения, дает несравненно более глубокую и сильную болезненную наследственность, чем простая мигрень, истерия и проч.

Далее, в напряженности болезненной наследственности весьма важно различать — будут ли оба родителя представлять для передачи неблагоприятную почву, или только один. Разумеется, несравненно хуже для детей, если и отец, и мать люди нервные или душевнобольные, и несравненно благоприятнее, если болен только один из родителей.

В обществе существует очень неправильный взгляд на то — какие болезни, родителей наследственно передаются детям. Думают, что нервность унаследуется только от родителей душевнобольных. Это неверно. Нервная неустойчивость унаследуется от родителей: душевнобольных, нервных, пьяниц, сифилитиков, чахоточных, преступников, бездельников, страдающих продолжительными физическими болезнями, подагриков и проч.

Все эти деревья дают одни и те же плоды — нервную неустойчивость, которая в различных случаях имеет различную окраску, как в степени проявления, так и в сочетании болезненных проявлений.

Наблюдения опытных нейропатологов показали, что наследственность болезненных свойств нервной системы передается от родителей к детям не всем членам семейства в одинаковой степени. В одном и том же семействе мы можем встретить детей и душевнобольных, и эпилептиков, и галлюцинантов, и здоровых, и пьяниц, и преступников, и гениев и т. д. Почему на долю одного из них выпадает эпилепсия, на долю другого — необыкновенные художественные способности, а на долю третьего — пьянство, разврат, злодейство и проч. — трудно сказать.

Унаследуется от родителей детьми не та или другая болезнь, а болезненное состояние мозга, которое в одних случаях бывает выражено столь резко, что при вскрытиях дает видимые и явные изменения в мозгу, — в других случаях, напротив, эти изменения и неправильности могут быть только молекулярные и химические, при настоящих способах исследования неуловимые и неузнаваемые. Поэтому и унаследование нервных болезней бывает весьма разнообразно, начиная от идиотизма и тупоумия и кончая нервной неустойчивостью,

нервной возбудимой слабостью и предрасположением к более серьезному заболеванию со стороны центральной нервной системы.

Не трудно распознать наследственную нервную болезнь, если она выражается в форме эпилепсии, истерии, предсердечной тоски и проч., – несравненно труднее определить и установить те случаи, где наследственная нервность проявляется в форме нервной неустойчивости и нервной раздражительной слабости. Такие люди столь часто у нас на глазах, эти люди в таком обилии нас окружают, что мы к ним присмотрелись, сжились и не считаем за больных. Только изредка они возбуждают в нас сомнение, недоумение, пожимание плечами, название «чудака» и «сумасброда» и т. п., а между тем сплошь и рядом эти люди нервные наследственники, люди с неуравновешенною нервной системой, нейрастеники, при неблагоприятных условиях жизни всегда могущие проявить любую нервную болезнь, как эпилепсию, истерию, душевное расстройство и т. д.

Этот тип нейрастеников весьма интересен, хотя проявления его разнообразны до бесконечности.

Часто уже с детства нейрастеники обнаруживают расстройства в нервной области. Это дети хилые, малокровные, капризные, склонные к частым судорогам. Такие дети по ночам часто просыпаются и плачут, – видят беспокойные сновидения, склонны к галлюцинациям при засыпании и просыпании, а также к кошмарам. Прорезывание зубов и переход на обыкновенную пищу им не обходятся безнаказанно.

Подрастая, они очень любят сказки, особенно на ночь. После прослушанных сказок они зарываются в одеяльце и долго не спят, воображая себя одним из действующих лиц этих сказок и продолжая ход сказки уже при помощи собственной фантазии. Скоро в них развивается страсть к мечтательности и фантазии. Они любят уединяться и предаваться фантазированию в области своих излюбленных картин. Общество детей им не нравится, – в большинстве они толкуются около взрослых. В характере таких детей замечается нервность, капризы, частые вспышки гнева, плача и радости от ничтожных причин. По ночам бывают частые просыпания, во сне подергивание мускулов и чувство падения в бездну.

При обучении они больше увлекаются предметами, в которых преобладает фантазия и память, чем рассудок, почему они больше любят историю, чем математику и другие точные науки. Больше предпочтения они отдают музыке, пению, живописи, чем предметам научным. При обучении у иных детей оказываются способности очень хорошие, они быстро усваивают заучиваемое и не тяготеют своими уроками, – хотя часто очень быстро и забывают усвоенное. Другие, напротив, обладают очень туповатыми способностями и им много труда и усилия требуется для усвоения уроков. Иногда при этом у детей можно замечать некоторые странности; так, *Краффт-Эбинг* передает об одном мальчике, что он, прежде чем начать свои уроки, всегда обращался к дворецкому с умоляющей просьбой ответить ему словом «да» на вопрос, в состоянии ли он приготовить свои уроки. Как скоро «да» получалось, он, спокойный и веселый, принимался за работу. Иногда дворецкий, пораженный нелепостью просьбы, решался сказать «нет»; тогда бедный ученик приходил в страшное возбуждение, бросался из угла в угол по комнате, стонал и решительно был не в силах усидеть на месте; в таких случаях дворецкий снова успокаивал его, говоря: «успокойся – ты вполне можешь приготовить свои уроки, – я пошутил только, сказав „нет“, – возбуждение стихало и в течение часа исчезало бесследно.

Часто такие дети, вместо классных занятий, предпочитают блуждать по полям, лесам и проч. в одиночку, предаваясь своим излюбленным мечтаниям об Америке, лесах, шайках разбойников. Часто у таких лиц особенно развита наклонность к предчувствиям, предвидению, суеверию и символизации. Во многих случаях они смешивают плод своей фантазии с действительностью и придают ей действительное значение. Иногда же, при полном сознании, что это фантазия, они не хотят с нею расстаться и образы фантазии принимают за

действительность. Особенно резко выражаются болезненные состояния в период появления менструации у девочек и полового созревания у мальчиков. В это время могут у них появляться иллюзии и галлюцинации, приступы страха, отчаяния, тоски и проч.

У таких детей иногда являются болезненные ощущения кожи головы, так что больно даже прикоснуться к волосам, болезненность десен и зубов, болезненность и даже невозможность дотронуться до позвоночника и проч. Иногда ощущаются стреляющие боли в конечностях, тяжесть и неловкость в членах при движении, – ощущения жара и холода в коже, ползания мурашек, терпкость и одеревенелость, невралгии, болезненность и разбитость всего организма. Со стороны зрения иногда – очень сильное обострение, – другой раз, напротив, в глазах появляется туман, потемнение, искры в глазах, летающие мушки, – шум в ушах, звон, усиленная способность к восприятию обонятельных и вкусовых ощущений. У некоторых является особенная невыносимость к различным пахучим и вкусовым веществам; так, некоторые не в состоянии переносить запаха сигар, мускуса, валерианы, фиалок, малины, – вкуса сладкого и проч. С другой стороны, у таких лиц часто является непреодолимое влечение к некоторым вкусовым и пахучим веществам. Так, иногда бывает страстное желание зимою есть малину, причем неудовлетворение этого позыва влечет за собою недовольство, раздражительность, сварливость и волнение. Иногда подобные побуждения бывают самых нелепых свойств. Часто у больных появляются особенные ощущения в области головы: пустота, давление, стискивание, как клещами, торчанье гвоздя, царапанье, перебивание чего-то жидкого, клеванье цыпленка, совпадающее с пульсовым биением, стук в голове, биение пульса, шум, как ветерок, совпадающий с пульсом и проч. Иногда являются сильные приступы головных болей, мигрени, прозональгии, головокружения и проч. Больные очень чувствительны к переменам погоды и при незначительных колебаниях атмосферного давления способны предсказывать изменения в погоде. Движения вообще порывисты и быстры, но рядом с этим существует быстрая же утомляемость, слабость и неспособность к проявлению деятельности. По временам наступают приступы такой слабости, что больной неспособен ни к какому движению. Это состояние длится несколько минут, час или два и затем все проходит. Часто у больных замечается подергивание отдельных мускулов и органов, как во время сна, так и в бодрствующем состоянии, – иногда – спазм глотки, гортани, кишечника и проч. Часто замечают у таких больных, при крепком телосложении и здоровом виде, очень тихий голос. К трудным и тяжелым работам такие люди почти неспособны. Взявшись за что-нибудь, они сначала работают с жаром, но затем чувствуют разбитость, усталость и неспособность к продолжению. В *умственном отношении* у нейрастеников часто наблюдается нарушение внимания. В иных случаях они бывают слишком отзывчивы на всякое малейшее раздражение, но бывают случаи и такие, что больные, при самом искреннем желании, при сознании крайней необходимости сосредоточить свое внимание на том или другом деле, решительно не в состоянии это сделать. Они ясно сознают, как их мысли уклоняются в другую сторону, и они ничего не могут поделать с собою. Последствие – раздражительность и недовольство. Часто эти люди не могут долго заниматься усидчивым умственным трудом, так как последний вызывает усталость и неспособность к занятию. Иногда на больных находит как бы какое умственное затмение: двадцать раз они читают одно и то же место и не могут уяснить себе, что все это значит. Бросают. Проходит несколько часов, день – и они вдруг ясно уразумевают то, чего они не могли понять; теперь выяснилось само собою, без всякого напряжения, то, чего они не в состоянии были уяснить при крайнем напряжении. Нейрастеники очень легко подчиняются чужому мнению: утром они подчиняются одному, вечером другому, совершенно противоположному мнению. Своего взгляда, собственной критики, собственного разбора того или другого мнения у них нет и они постоянно у кого-нибудь под башмаком. Но рядом с этим у нейрастеников проявляются отдельные мысли и поступки, выходящие из ряда обыкновенного. Больные эти мало склонны к стро-

гому мыслительному процессу, – они с большим наслаждением и большим удовольствием живут образами чувств, мечтаний и фантазий. Часто эти больные жалуются на умственную усталость, неспособность к умственному труду и несвежесть головы.

Самочувствие нейрастеников очень изменчиво: то они веселы, то сразу становятся грустными и плаксивыми. Часто они бывают раздражительны, недовольны и сварливы без всякого видимого повода. Иногда на них нападают приступы страха, тоски, отчаяния и безотчетного недовольства.

Глава II

Таковы явления у прирожденных нейрастеников или у людей, унаследовавших от своих больных родителей неустойчивую нервную систему. Кроме вышеуказанных болезненных явлений, у нейрастеников развивается масса других и нет почти ни одного болезненного явления в области нервной системы, которое не могло бы проявиться у того или другого нейрастеника. И это весьма естественно. Нейрастения представляет собой неустойчивость отправления всей нервной системы, с преобладанием в одном случае одних явлений, а в другом – других; поэтому нет ничего удивительного, что нейрастения представляет собою собрание всех болезненных явлений и нейропатологии.

Не нужно, однако, думать, что каждый нейрастеник воплощает в себе все вышеуказанные признаки; напротив, ни у одного из нейрастеников они не являются целиком, а только по частям в различных между собою сочетаниях, – вот почему каждый случай нейрастении довольно резко, по сочетанию болезненных проявлений, отличается от других подобных.

Тем не менее, при внимательном рассмотрении всех случаев нейрастении, между ними можно резко выделить две группы: в одной преобладает особенно умственная неустойчивость, а во второй – отклонения и болезненные проявления в области влечений, побуждений и чувства.

На первый взгляд нейрастеники первой группы представляются необыкновенно умными и всесторонне образованными людьми. Умственные их силы и способности чрезвычайно блестящи.

Они весьма чутки ко всем происходящим вокруг них явлениям. Жадно на все накидываются, быстро усваивают и энергично воплощают в себе. Ко всему они проявляют интерес, всем они быстро овладевают и во всем высказывают знание, опытность и компетентность. Такая всеобъемлемость и широта сведений невольно порождает мысль о необыкновенности и гениальности их умственных способностей. Их жизнь необыкновенно деятельна, их умственная работа чрезвычайно разнообразна и плодотворна.

Но, строго разбирая умственную деятельность этих лиц, мы невольно поражаемся ее крайней поверхностностью. Эти люди быстро увлекаются чужими сообщениями и планами, без всякого контроля и критики их усваивают, принимают их за свои собственные им приписанные, в тот же миг осуществляют эти планы и при малейшем затруднении покидают их. Быстрое увлечение и горячность в различных делах таких людей сопровождается не менее быстрым охлаждением и забвением предпринимаемого им дела. В силу такого легкомыслия, непостоянства, неспособности сосредоточиться и установиться на одном деле, они постоянно перескакивают от дела к делу, от предприятия к предприятию, от предмета к предмету. У них существует какая-то потребность к новизне и какой-то зуд перемены. Они только и могут существовать при таком порханьи и собирании не только вершушек, но даже крох от этих вершушек. При этом особенно поразительна полная бессвязность и отчужденность в предприятиях. Так, они от университета переходят к кузнице, от кузницы к производству кружев, от производства кружев к семинарии и проповеди, от проповеди к жандармерии, от жандармерии к производству селитры, от производства селитры к путешествию в Ахалтеке и проч. Такая разносторонность, всеобъемлемость, всезнание и одинаковое увлечение всеми этими предметами ярко выдает духовную немощность человека. Это будет в полном смысле слова импотенция ума, ибо эти люди, схватываясь за все, не доводят до конца ничего и своим вмешательством губят всякое начатое дело и предприятие. Если бы они могли исполнить все, предпринимаемое ими, то они были бы титанами ума и гениями мысли. К сожалению, всякое предприятие их быстро им надоедает, они с удовольствием его бросают и накидываются на новое, с большою неохотою и неприязнью оглядываясь на старое.

Разумеется, это болезненное состояние выражается тем ярче и тем шире, чем шире и мощнее деятельность человека и чем больше власти находится в его руках.

Для лучшей окраски этой болезненной картины и для отличия ее от гениальности, мы приведем два фантастических примера из мира властелинов народов.

Первый унаследовал могущественное и воинственное государство. Его дед и отец рядом победных войн доставили государству новые земли, несметные богатства, благосостояние стране, подчинение и боязнь соседей, могущественную и непобедимую армию, гениальных администраторов и полководцев, великих ученых и славные учреждения. Во главе этой мощи, славы и величия является он, молодой, энергичный, образованный, крепкий и сильный государь. При этой юной мощи, энергии и завидном положении подвластного ему народа, у всех соседей является опасливая мысль – ему мало всего этого. Он захочет попытаться нового счастья, новой военной славы, новых земель, новых богатств... И он принимается за это. Принимается за это с храброй душой и неукротимой энергией... На пути, однако, стоят преграды... Эти преграды представляются в виде советников, старых сослуживцев его отца и деда, людей, закаленных в военной борьбе и устройении государства, – людей, покрытых гражданскими и воинскими доблестями, людей, чтимых не только гражданами отечества и тенью предков, но и соседними народами... Препятствие немалое.

Но что значит препятствие для человека энергии, пылкости и неутомимости!.. Старые советники летят в отставку. Выводятся люди новые, удобные повелителю. Происходит необыкновенная перетасовка лиц, должностей, ролей и положений. Начинается новый курс. Всюду властелин наблюдает неустройство, всюду неуспешность, всюду беспорядочность. И всюду энергичный и молодой повелитель стремится быть лично и исправить все лично. Он сочиняет новые законы. Он создает новое устройство армии. Он является архипастырем и проповедником, как «глас Божий на водах». Он составляет оперы. Он пишет балеты. Он переделывает школы. Он создает правила для рабочих. Он изменяет систему воспитания. Он летает по всему миру с дипломатическими переговорами. Он ревизует внезапно части армии и учреждения. Он так неусыпно, разносторонне и повсеместно занят, что в доме-то своем является самым редким гостем.

При такой мощи и всеобъемлемости ума, неутомимости энергии и личном участии во всем, можно думать, что он создаст всемирное государство, мир и золотой век.

Но повелитель не любит долго возиться с затеянными делами. Он удалил старых советников, но не заменил их новыми равными и достойными. Он расшатал учреждения старые, но не создал и не укрепил новых. Он подорвал старые законы, но не дал новых. Он уничтожил доверие к старой системе воспитания подданных, но не дал новой. Он пообещал изменение условий жизни рабочих, но не исполнил этого, Он на словах был велик, на деле же мал. Ибо у него не было выдержки, терпения, знания, умения, воли и понимания.

Такой повелитель нейрастеник не создаст государство, а разрушит его, – не укрепит, а расшатает, – не возвысит, а умалит, – не упорядочит, а взбаламутит.

Мы возьмем другого повелителя, столь же широко деятельного и широковластного.

Его область еще больше и обширнее. По наследству, однако, он получил неустройство и беспорядок. Во всех соседних государствах и более благоустройства, и более воспитания, и более порядка, и более богатства и более сформированные армии. В его государстве нет ни советников, ни людей образованных и ученых, ни опытных мастеров, ни заводов, ни фабрик, ни флота, ни торговли, – ничего такого, что ныне составляет цивилизацию и европеизм. Самый-то престол он захватил едва ли не с бою. Молодой орленок своим мощным умом усматривает, что его государство будет стерто и уничтожено, если он в нем не учредит тех знаний и образования, какие укоренились уже у соседей.

И вот этот мощный юноша, с столь же неутомимой энергией и непосидячестью, летает по всему свету с севера на юг и с востока на запад. Он лично все осматривает, он лично

все изучает, он лично все заводит и устраивает. Он устраивает армию, он строит флот, он издает законы, он устраивает академию наук, он открывает типографию, он заводит фабрики и заводы, он вводит даже новый костюм для народа, он изменяет внешний вид людей, он производит реформы в церковной области, он ведет непрерывные войны, он расширяет пределы отечества, он изменяет всю жизнь его, он делает из своего азиатского царства царство европейское и заставляет силою своей умственной мощи питать к себе уважение и почтение. И этот мощный лев шел не в уровень с требованиями и убеждениями своего народа, а против них. Он не продолжал путь славы и воинских преданий своей отчизны, а сам создавал и выполнял их. Он не имел поддержки своим мыслям и планам в окружающих старых и опытных помощниках, а лично выбирал и ставил себе помощников. Он не писал балетов и комедий, а заводил только театры. Он не изменял системы школьного воспитания, а заводил только школы.

И этот государь создал все.

В чем же разница лежит между первым и вторым?

В том, что первый быстро увлекался всеми предприятиями и столь же быстро с брезгливостью их бросал; а второй, начавши сам что-либо, все сам же доводил до конца с отеческою любовью к своему созданию и детищу. Первый не имел своей мысли, он схватывал чужую, мимолетно ее усваивал и столь же легкомысленно покидал; второй имел свою мысль, тщательно ее обдумывал и никогда не покидал. Первый, по своей умственной немощи, не мог жить всеми своими мыслями одновременно и перескакивал от мысли к мысли; второй все вмещал в своей голове, все приводил в связь и порядок и всему давал известное соотношение. Первый накидывался на внешность мысли, не погружаясь в ее глубину, – второй всегда изучал ее по существу. Первый никогда не знал дела в его частностях, – второй всегда изучал дело до мелочей и всегда мог быть во всем лично учителем от начала до конца.

Первый был умственный пигмей, – умственный нейрастеник, – второй умственный титан, – гений. Первый – сердитое бессилие, второй – мощь и сила...

Во второй группе нейрастении умственно люди представляются как бы здоровыми, зато в их характере, действиях и поступках усматривается масса неправильностей, отклонений и таких проявлений, в которых и сами больные раскаиваются и общество привлекает их к ответственности. Такие люди обнаруживают в одних случаях необыкновенную вспыльчивость, злость, кровожадность и склонность к истязаниям, в других случаях – страсть к пьянству, злоупотреблению морфием, опиумом и проч., еще в иных – страсть к картежной игре и собиранию ненужных предметов, еще иногда – стремление к дурному обществу, попрошайничеству, бродяжничеству, тяготению к тому же самому полу и даже половое влечение к животным. В некоторых случаях на таких людей нападают приступы беспричинного страха и тоски, – в других, напротив, бесповодного безумного веселья. Иногда они находятся в состоянии какого-то томления, возбуждения и ожидания, что вот-вот что-то с ними случится. И знают они хорошо, что ничего с ними не случится, а между тем ожидают его, – и случится именно что-то ужасное...

Помимо этого может быть масса и других явлений, так что перечислить их едва ли возможно. Обо всех этих вышеуказанных проявлениях болезни должно заметить следующее: никогда эти явления не бывают совместно у одного и того же человека. Только из наблюдения многих нейрастеников можно собрать и составить эту картину болезни. В действительности же у нейрастеников развивается одно какое-нибудь или несколько болезненных явлений, которые впоследствии могут смениться другими.

Явившись раз, тот или другой признак остается недолго, иногда несколько минут или часов, и затем исчезает, оставляя человека в здоровом состоянии, с тем, однако, чтобы на другой день, или через некоторое время, при неблагоприятных условиях жизни, появиться вновь.

Таким образом и в данном случае усматривается неустойчивость нервной деятельности, болезненные проявления страха, тоски, томления, ожидания, влечений и страсти при полном сознании их нелепости, болезненности, вредности и опасности и при полной неспособности им противостоять.

Как нейрастения, проявляющаяся преимущественно в области мыслительной, так и нейрастения самочувствия и страстей иногда могут сочетаться между собою частичными своими проявлениями и давать смешанную картину болезни.

Судьба нейрастении для различных случаев неодинакова: при благоприятных жизненных условиях и надлежащем лечении она может проходить и исчезать бесследно, или временно, – в других случаях, она может оставаться пожизненно, давая то более, то менее продолжительные светлые промежутки, – наконец, при неблагоприятных случаях она может иметь поступательное движение вглубь нервных и душевных заболеваний. Нейрастения служит прекраснейшею почвою для развития болезней нервной системы, удачнейшей канвой, на которой могут быть начертаны узоры и картины всевозможных заболеваний. На почве нейрастении может явиться эпилепсия или падучая болезнь, истерия, пляска св. Витта, всевозможные насильственные приступы страха и тоски и душевные заболевания.

Из душевных болезней на этой почве чаще других развивается *первичное помешательство*, или паранойя. В данном случае она нас наиболее интересует и потому мы постараемся проследить механизм ее возникновения из нейрастении и до полного ее развития в форме бреда преследования.

Что такое первичное помешательство или паранойя, об этом нами было подробно сказано в другом сообщении и останавливаться на этом вопросе теперь я считаю излишним.

Способы возникновения и развития паранойи на нейрастенической почве бывают очень разнообразны, – мы остановимся на наиболее частом из них. На почве нервной раздражительной слабости и нервной неуравновешенности, под влиянием каких-нибудь неблагоприятных жизненных условий, у больного развивается усиленное беспокойство, волнение, недовольство и усиленное ожидание, что с ним что-то случится и т. п. Больной ищет причины своего беспокойства. Ему кажется, что все окружающие лица относятся к нему как-то не так, как это было прежде. Всюду к нему замечается особенное внимание, особенное присматривание, особенная наблюдательность. Ни один его шаг, ни одно его движение, ни одно его препятствие не обходятся без того, чтобы окружающие не отнесли к нему с особенною предупредительностью. Самые мысли его окружающими как бы угадываются и предусматриваются. Такое чрезмерное внимание со стороны окружающих не может не навести больного на размышление...

В действительности, разумеется, нет ничего подобного. Все относится к нему и сегодня точно так же, как и вчера, но у больного существует особенное повышение восприятия внешних впечатлений, отражающееся на мысли об усилении внимания со стороны окружающих к его личности. Такое ошибочное и до некоторой степени даже ложное ощущение наблюдательности и представление о наблюдательности со стороны окружающих по отношению к начинающемуся параноику находит себе первообраз в явлениях обыденной жизни. Вчера мы были в поношенном сюртуке, сегодня в новом. Никто, разумеется, не обратил внимания на эту перемену; но нам кажется, что «я» стал как бы иным человеком, и все эту перемену замечают и все на нее отзываются вниманием и наблюдательностью. Так же бывает, когда мы подстригли волосы, надели новые ботинки, – когда у дамы на шляпке цветок перенесен слева направо, а бантик на три линии выше или ниже... Это явление обычное и всем хорошо знакомое. Оно-то и может служить нам примером и разъяснением того болезненного состояния, которое у параноиков выражается в форме усиленной наблюдательности к ним со стороны окружающих...

Итак, они подлежат особенному вниманию, особенной наблюдательности со стороны окружающих. Почему? Что тому причиною? Ответа на эти вопросы пока нет. Но это заставляет больных с своей стороны усилить внимание ко всему происходящему вокруг них. И вот они становятся ко всему в высшей степени подозрительными.

Будучи скрытными, замкнутыми, сосредоточенными в себе, параноики издали, незаметно для других, зорко наблюдают за всем и за всеми. И, к своему ужасу, они видят, что все вокруг них делается неспроста. Все их окружающее не в том виде, как это было прежде. Все это как-то изменено. Все делается не так, как было до сих пор. Разумеется, на деле изменилась не обстановка, а их способность восприятия, но они приписывают перемену окружающему и стараются отыскать ее причину. Подозрительность усиливается и наполняет все их существо. Больной постоянно ко всему приглядывается, больной вечно настороже...

Такая необыкновенная, болезненная подозрительность порождает в больных новое состояние – склонность все совершающееся относить к себе. Идет он по улице. Проходящий плюнул. Этот плевок служит выражением желания оскорбить его. У проходящих он слышит слова «он не надежен»...

– Это я не надежен... Почему?... Что я сделал?... В чем не надежен?...

И вот является целый ряд мучительных вопросов: почему и как?

Больной читает газету. Пишут о неотложной необходимости извести сусликов, опустошающих поля Екатеринославской губернии.

– Ну да, суслики... При чем тут суслики... Это «они» хотят извести меня?... Я ведь Екатеринославской губернии...

Всякий кашель, всякое движение окружающих, встреча и т. д. истолковываются в смысле отношения к их личности. У таких больных, как говорят, развивается необыкновенный «эгоцентризм», т. е. такое душевное состояние, когда им кажется, что их «я» стало центром всего мира.

Но все это состояния подготовительные. Они могут быть или не быть. Если они и существуют, то в глубине души больного и для окружающих решительно незаметны. Только весьма опытный глаз врача психиатра может уловить их и путем весьма осторожных и отдаленных вопросов отчасти извлечь.

Для больных же эти состояния в высочайшей степени тягостны и мучительны. Они им не дают покоя ни днем ни ночью. Они их лишают сна. Они разрушают их душевный покой, разбивая отношения к самым близким и дорогим лицам: друзьям, родным, родителям, жене и детям...

К этому присоединяются иллюзии или ошибочные ощущения. Больные видят на лицах близких подозрительность, насмешку, презрение, порицание. В их голосе слышится оттенок недовольства, издевательства и проч. В пожатии руки они наблюдают особенную резкость и стремление оттолкнуть. Самый воздух носит в себе что-то особенное, подозрительное и неприятное.

Все это заставляет больных вести себя весьма осторожно, удаляться от греха и быть сосредоточенными в себе. Бесконечное оскорбление и обида порождается в их душе... За что такая травля? За что такое всеобщее над ним издевательство? Где ему искать помощи, поддержки, защиты и покровительства? Все против него. Все его враги. Все ему желают зла. Все его хотят извести. Беспредельная злоба и безграничная ненависть порождается у этих людей ко всем людям, особенно же к людям близким и прежде дорогим. Их несчастья для него приятны. Их страдания для него утешение. Их мучения для него живительный бальзам. Нет того зла, которого бы он не пожелал роду человеческому. Нет той лютости, на которую он не осудил бы весь люд. Нет той казни для людей, которая бы его удовлетворила.

Ибо это враги его. Все они его терзают. Все они его мучают. Все они желают извести его. Все это он видит. Все это он слышит. Все это он чувствует. Бред преследования в полном разгаре.

По временам он затихает. Порождаются мысли – да правда ли это? Не ошибаюсь ли я? Не даром ли я взвожу обвинения? И вот иногда могут явиться минуты недоумения, сомнения и раскаяния... Но, увы, эти минуты непродолжительны. Вновь приливает волна гнева, ненависти к роду человеческому и желания ему всех зол земных. Если бы такой человек мог залить землю кровью своих врагов, то высочайшим наслаждением для него было бы выкупаться и купаться бесконечно в этой крови. Эта кровожадность, зверство и изуверство – явление логическое, оно является естественным последствием тех страданий и мучений, которые такие люди переживают в своем бреде преследования.

При этом по существу своему такие люди могут быть или злыми, бессердечными и кровожадными людьми, – или же обыкновенными смертными, относящимися к кровожадности с обычным омерзением. В последнем случае кровожадные мысли находят себе сопротивление в общей природе человека, чуждой жестокости и кровожадности, – в первом случае жестокие мысли находят себе поддержку в жестокой натуре человека и тогда преступления таких людей отличаются необыкновенным зверством и жестокостью. Но каково бы ни было сочетание жестоких идей и стремлений кровожадности у параноика, он никогда не рискнет совершить эти зверства зря, ибо он знает хорошо, что за это последует жестокая кара.

Таков параноик в своем бреде преследования. Это зверь. Зверь беспощадный. Зверь кровожадный, готовый растерзать весь мир.

Но в этом человеке существует и другой человек, человек обычный, человек здоровый, живущий обычной жизнью и совершающий обычные человеческие деяния.

Глава III

Паранойя или первичное помешательство, некоторыми называется еще ограниченным, или однопредметным, помешательством (monomania), и это название дается данной болезни не без основания. Эта болезнь представляет чрезвычайно странное и причудливое раздвоение сознания человека. Параноик, в отношении сведений об обыденной жизни, ничем не отличается от обычного человека, он имеет те же знания, в точности выполняет их как все люди, вполне правильно и сознательно воспринимает и переживает текущую жизнь и в то же время в область этой здоровой обычной жизни врывается его бред преследования. Таким образом, параноик живет двойственной жизнью: с одной стороны, у него обычное мировоззрение и сознание, с другой стороны, его личный бредовый мир. Первым он живет со всеми людьми, – вторым с самим собою.

И долгое время эти два душевных мира совмещаются в параноике незаметно для окружающих. Больной проявляет ряд странностей, представляется несколько иным, чем все люди, приобретает кличку «чудака», но вместе с тем из него выходит дельный, расторопный и исправный чиновник, или учитель, или инженер, или любой общественный деятель. Долгие годы он может занимать общественные должности, быть гражданином не хуже других и удовлетворительным семьянином.

Бред преследования параноика существует в больном непрерывно; но его течение или прохождение совершается волнообразно: то усиливаясь, то ослабевая. В период ослабления бредовых идей параноик покоен, тих, исполнителен, более или менее общителен и легко подчиняется требованиям общественной жизни; в период ожесточения бредовых идей параноик выходит из своей тихой жизни и пытается проявить в жизни тяготеющее над ним влияние своих бредовых идей. Если бы мы представили себе человека с общественным положением неограниченным, если бы это был человек с неограниченным правом и беспредельною свободою действия, то, под влиянием бредовых идей преследования, такой человек быстро одержит верх над сознанием обычной здоровой жизни, и в момент ожесточения бредовых идей явится разрушителем мира. Он будет воплощением духа зла и истребителем всего того, что создано Богом. Он подверг бы смерти все живое, доступное его влиянию, и упивался бы кровью, льющеюся вокруг него из его врагов...

Но мы живем при других условиях. Наше сознание слишком сдерживает наши мысли, влечения, побуждения и желания. Мы живем под законом. И вот у параноика, в момент ожесточения болезни, является необыкновенная борьба между тяготением бредовых идей и сознанием закона, долга и требований жизни. Пока обычное сознание берет перевес над бредовыми идеями, над болезненным сознанием, до тех пор параноик – человек со странностями и терпим в обществе. Бред берет перевес над обычным сознанием – параноик преступает пределы, положенные требованием обыденной жизни и законом, и становится преступником. Его место – сумасшедший дом...

Но такое состояние длится 5-10 дней, много 2-3 месяца, и параноик опять покоен. Его бредовые идеи утихли. Их тяготение ослабло. Обычное сознание берет перевес. Человек возвращается к обыденной жизни. Он исполняет исправно свои обязанности, поддерживает отношения, бывает (хотя изредка) в обществе, читает книги, даже нередко пишет и печатает сочинения и в своей жизни по внешности мало чем отличается от обыкновенных людей.

Такой светлый промежуток длится 3-8 месяцев. Наступает новое ожесточение болезни. В эти новые приступы болезненное сознание берет все больший и больший перевес пред обычным сознанием, пока обычное сознание не станет соподчиненным болезненному.

Разумеется, борьба этих двух жизней длится годы и десятки лет. Умственные силы и энергия человека падают. Он постепенно теряет свой резкий характерный облик и мало-помалу опускается к слабоумию.

Итак, нам жизнь дает такие случаи душевного состояния, когда человек, в одно и то же время, может быть и умным и сумасшедшим, и деловым человеком и душевнобольным, и исполнительным общественным деятелем и преступником. Это бывает в тех случаях, когда человек живет двойственной жизнью сознания, или когда в его обычном сознании внедряется частичное поражение в виде однопредметного помешательства. Такие случаи в жизни нередки и мономаниаков можно находить во всех жизненных положениях, от кирки работника и до царского жезла.

Для людей, незнакомых с этим болезненным душевным состоянием, мономаниаки представляют собою неразгаданность, – для психиатрии же – это обычное явление.

Однако для полноты картины умственного бытия параноика мы должны сделать кое-какие дополнения.

Будучи замкнутым и сосредоточенным в себе, параноик обладает необыкновенно богатую фантазией. И замкнутость и фантазия являются у него развитыми болезненно и заставляют больного жить преимущественно в этой области. Устраняясь от людей и замыкаясь в самих себе, больные покидают представления действительной жизни и тяготеют строгим мышлением на основании обычных представлений и понятий. Они с величайшим удовольствием погружаются в картины фантазии и воображения, целыми часами строят воздушные замки, создают целые истории, пропускают пред собою фантазмагии самого причудливого характера, причем во всем этом главным героем, центром всего фантастического происшествия служат они сами, а около них их враги. Здесь-то они своими глазами видят все козни врагов, слышат все их заговоры, хулы, порицания и злодейства, принимают меры предупреждения и пресечения преступления, побивают, уничтожают и истязают лютыми казнями своих врагов и видят в мире только себя и все только для себя.

Вторая особенность параноиков та, что нередко они неспособны бывают отделить пережитого в картинах фантазии от действительного и образам воображения приписывают предположение, что все это так было и на деле. Этим дается основа для составления ошибочных и ложных представлений и понятий, а равно и для бессмысленных действий и поступков.

На основании столь сильно развитых фантазии и воображения, мы видим, что параноики в делах обыденной жизни неспособны бывают к строгому и глубокому мышлению и продолжительному сосредоточию внимания на одном и том же предмете. Они могут быть находчивы, даже остроумны, и, на вид, как бы с солидным образованием, – но все это у них слишком легковесно и поверхностно. Их знания могут быть обильными, но без умения применить на деле. Параноики очень чутки ко всему происходящему вокруг них, но при этом они не могут проникнуть в сущность дела, а живут мыслями других, – за исключением своего бреда. Иногда понимание окружающих событий принимает неправильную, ошибочную и ложную окраску, так как они нередко на все окружающее смотрят не действительными глазами, а сквозь очки своей фантазии и воображения.

Такая неустойчивость ума параноика, его легковесность и неспособность сосредоточия на одном и том же предмете легко объясняются основным качеством неврастеника – быстро на все накидываться и еще быстрее все покидать, вследствие быстрого истощения запаса сил и энергии.

Кроме того, мы не должны забывать, что такой человек живет двойственным сознанием, причем в то время, когда он сам с собою, он живет болезненным сознанием, оставляя в стороне и бездеятельности здоровое сознание, а так как параноик сам с собою большую

часть времени, то уже в силу этого здоровая умственная сознательная деятельность должна стоять ниже нормы.

Если в умственном отношении параноик представляет человека неустойчивого и больного, то в нравственном отношении параноики еще более отделяются от здоровых людей и представляют резкие болезненные отклонения.

Уже в силу болезненного логического мышления, параноик в мире является одиноким, так как все остальные люди – его враги. Отсюда весьма естественно, что он живет не только *в себе*, но и исключительно *для себя*.

Первое, что заметно у первично-помешанных, это крайний эгоизм и себялюбие. Они знают только себя и заботятся только о себе. Общество, человечество, интересы ближнего, даже интересы семьи для них не существуют. Следовательно, при этом в основе подрывается идея общественности и идея любви к ближнему. Первично-помешанные держат себя совершенно замкнуто и обособленно, – самый бред преследования очень характерен для таких случаев, он вполне согласуется с их одиночеством и с их подозрительностью. Нередко эти больные – крайне жестоки и требовательны по отношению к своим родным. Любовь к родителям это для них если не пустой звук, то законный повод к предъявлению всевозможных подчас совершенно нелепых требований. Не лучшее отношение и к братьям и сестрам. Почти всегда первыми врагами и преследователями больных в их бреде преследования являются братья и сестры. Опять знаменательное сочетание болезненного бреда с болезненно-нравственными отношениями. Очень часто под влиянием бредовых идей братья и сестры становятся первыми жертвами преступления этих несчастных, – и даже во время затишья бредовых идей эти больные очень далеки от братской и дружеской любви. Но особенно несчастными являются в семействе таких больных жена и дети. Жена – это полная раба, дети – это какие-то щенки, служащие лишней семейной обузой. Вот отношения таких больных к людям самым близким и самым дорогим. Здесь нарушаются нравственные черты, не только присущие человеку, но даже многим высшим животным.

Параноик не имеет друзей, он не имеет близких людей. Все служат для него, он ни для кого.

Это есть первое нарушение общественных условий существования человека.

Это сухие жестокие себялюбцы, задумывающие все сделать для себя.

Словом, это какие-то отщепенцы из общества, это какие-то одиночки, живущие вне общества, сами в себе. Это лица, не понимающие, что такое общество, тяготящиеся обществом и избегающие его.

Такое положение одиночек человеческого рода вполне противоречит общепринятому положению, что человек есть общественное существо, т. е. живущее общественно, не могущее жить без общества и живущее для общества. Они совершенно не подходят под это положение.

Рассматривая жизнь животных, стоящих ниже человека, особенно живущих стадами, нам нередко приходится встречаться с такими явлениями, что и среди этих обществ встречаются особи, которые точно так же живут одиноко, чуждаются общества себе подобных и преследуют свои личные интересы. Это явление представляется немало интересным и может служить большим подспорьем для изучения подобного же проявления в человеческом роде. К сожалению, в биологической литературе оно мало разработано еще и нам приходится ограничиваться отдельными только данными. *Брем* говорит, что в семействе слонов существуют отщепенцы, живущие одиноко, вне семьи, – они даже носят особое название – гундасы и рогесы, смотря по тому, будут ли они относительно доброго нрава или злы. Точно так же и в семействе свиней существуют кабаны-отшельники, которые проводят жизнь одиноко. В других семействах можно найти также таких одиночек, так даже между рыбами находятся таковые (И. О. Фесенко). Я. *Тарлецкий*, занимавшийся довольно усердно изучением жизни

рыб, о таких одиночках делает предположение, что эти «блуждающие рыбы» принадлежат или «к рыбам чем-либо или кем-либо обеспокоенным, или больным».

Но помимо отсутствия этих положительных свойств, присущих каждому животному, живущему общественной жизнью, у первично-помешанных являются отрицательные свойства: злость, ненависть к обществу и животный эгоизм.

Обыкновенно мы привыкли думать, что проявление злости и зверства есть явление аффективное, явление, находящееся в противоречии с здравым рассудком. В данном случае злость и зверство являются основной чертой характера, проявляющейся нередко с детства и до старости. Будучи детьми, они любят мучить животных, вырывать птенцов из гнезда и раздирать их, – мучить котят, щенков, поросят и пр. Вырастая далее, они нередко производят подобные опыты и на младших членах семьи, или чужих детях, – женившись – производят опыты на женах, имея детей – на собственных детях. Бессердечие, холодность и расчетанность (нередко самая нелепая) – основная черта их характера. Редко можно видеть среди первично-помешанных человека сердечным, человеколюбивым, искренно проникнутым любовью к ближнему и отечеству, а также идеями чести и справедливости. Во всех поступках параноиков скользит подозрительность, осторожность, недоверие, скрытность и жестокость.

Скрытность составляет довольно характерную черту первично-помешанных. Когда психиатр в отделении душевнобольных встречает больного, совершенно отрицающего свою болезнь и довольно логически объясняющего поступление недоразумением или случайностью, первое подозрение у него является относительно первичного помешательства. В этих случаях искусно поведенный опрос иногда открывает сущность дела; но другой раз все усилия врача добиться истины остаются совершенно напрасными.

Жестокость этих людей превышает наше обычное понимание о жестокости. Параноики нередко жестоки по существу. Они живут своей жестокостью. Они продолжительно придумывают планы и способы проявления для своей жестокости. Они упиваются своей жестокостью и испытывают минуты наслаждения при выполнении оной. Эта жестокость нередко соединена с жаждою крови. Кровь стоит в их воображении. Кровь носится пред их глазами. Крови жаждут они для отмщения. Кровь, кровь и кровь в их душе. Они желали бы жить кровью и тогда были бы на вершине блаженства. Разумеется, и это проявление жестокости и кровожадности у параноиков проявляется приступами ожесточения и ослабления.

Рядом, однако, с этой жестокостью и кровожадностью у параноиков возможно бывает подметить большую хитрость, осторожность, коварство и даже трусость, что, однако, не мешает им готовить планы мести и вести каверзы и злодеяния.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.